

УДК 94(73)

ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА И «NEW YORK TIMES»

© 2021 Д.Ю. Селифонтова, С.О. Буранок

Самарский государственный социально-педагогический университет

Статья поступила в редакцию 12.02.2021

В статье рассматриваются материалы американской прессы 1931 года, посвященные поиску ответа на вопрос о виновности Китая и Японии в конфликте. Анализ газет США показывает сложную и противоречивую информационную ситуацию. 1941 г. – период постепенного увеличения интереса журналистов, редакторов и политиков к проблеме японо-китайской войны. Журналисты США приходят к пониманию новых очертаний геополитической картины мира, к пониманию того, что существует как минимум два глобальных подхода к вопросу о виновных конфликта (японский и китайский) и что эти подходы напрямую влияют на понимание новой роли США в мире.

Ключевые слова: японо-китайская война, пресса США, международные отношения, Маньчжурия, общественное мнение.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-1-57-64

«New York Times» – одна из наиболее авторитетных и влиятельных американских газет. Оценки и мнения, высказанные со страниц данного издания, сразу становились базовым элементом информационного дискурса США. Анализ материалов «New York Times» поможет не только более точно понять особенности формирования общественного мнения в США, но и увидеть эволюцию подходов редакторов и журналистов к освещению международных и внутренних событий. В данной статье мы рассматриваем эволюцию подходов газеты «New York Times» к освещению китайского кризиса 1931 г.

Осень 1931 года – переломное время для формирования внешнеполитических образов в США: Япония после Первой мировой войны и Вашингтонской конференции все чаще приобретает черты «образа врага» или по крайней мере соперника на Тихом океане; Китай на страницах американских пе-

Селифонтова Дарья Юрьевна, бакалавр исторического факультета. E-mail: selifontova.d@sgsru.ru
Буранок Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения.
E-mail: witch-king-1@mail.ru

риодических изданий сочетает в себе черты как образа феодальной, «варварской» страны, так и нового «азиатского ученика» США.

Формирование общественного мнения о стране – это крайне важный политический момент, который во многом является полифункциональной частью одной цели – оказания влияния и нужного в конкретный момент времени направления и формирования человеческого сознания как политической верхушки, так и гражданского общества во всем мире.

Образ Китая в 1931 году неоднократно изменялся под влиянием различных информационных потоков, которые приходили из Японии и Китая. Формирование образа Китая в ноябре 1931 года через «New York Times» зависело от убеждений журналистов и «тщательного» отбора информации. В газете публиковались письма, радиogramмы, статьи политических деятелей, и в большинстве своем эти сведения отражали амбивалентность событий, происходящих в Китае.

В одной из первых статей ноября 1931 г. продолжается основная информационная тенденция осени 1931 г.: «Новое тревож-

ное сообщение, связанное с ситуацией в Маньчжурии, распространилось в кругах Лиги Наций, когда появилась официальная новость о движении японских войск на Цицикар, являющийся важной стратегической точкой в Северо-Западной Маньчжурии»¹. Все это повторяет статьи сентября-октября 1931 г., когда пресса США лишь «с тревогой следила за ситуацией в Маньчжурии», но японские операции не воспринимались в США как начало новой масштабной войны.

8 ноября 1931 г. со своеобразным обобщением информационных тенденций США выступил со страниц «New York Times» известный корреспондент Х. Абенд: «Раз за разом Япония предупреждала Китай о том, что ее права в Маньчжурии являются существенно важными. Китай продолжил нарушение этих прав. Теперь, по всей видимости, Япония решила, что если использование силы ради защиты не принесло никакой пользы, то пришло время прибегнуть к использованию силы в качестве нападения – так же, как сделала Россия в 1929 году, когда Китай попытался захватить под свой контроль Китайско-Восточную железную дорогу в Северной Маньчжурии»².

В нескольких предложениях журналист обвиняет Японию в конфликте в Маньчжурии, однако, американское издание все равно делает вывод, что Япония сделала все правильно, причем ссылаясь на советский опыт решения проблем в Северном Китае. Как и в начале «инцидента» – рассматриваются в «New York Times» различные варианты виновности и Японии, и Китая в конфликте и возможные способы его решения.

Редакторы публикуют данные о событиях 14 ноября, напоминая «Китайским алармистам» о том, какую «услугу» оказала Япония Китаю, начав развитие Маньчжурии»³. Так происходило формирование образа Китая в ноябре 1931 года.

В статьях ноября 1931 г. можно выделить несколько аспектов, используемых редакторами для отображения восприятия японо-китайского конфликта. Прежде всего это указания в различных статьях на нару-

шение «особых японских прав» и торговых договоров Китаем, невыполнение обязательств, отказ от их выполнения.

В номере «New York Times» от 15 ноября 1931 г. опубликована телеграмма Хикоити Мотоямы, владельца газет «Осака Майнити» и «Токио Нити Нити». В телеграмме Хикоити делает заявление, согласно которому Япония не ставит своей целью удовлетворение территориальных претензий, но далее пишет с негативной эмоциональной окраской, что Китайские алармисты должны уважать то, что Япония передала Маньчжурию Китаю.

Хикоити требует перестать «вставлять палки в колеса» и отбирать у японцев их права в Маньчжурии, принимать бессмысленные законы и противостоять справедливости⁴. К слову о справедливости, в 16 статье рассказывается, как официальный пресс-секретарь генерала Хондзе и сам японский генерал заявляли о том, что помимо китайских налетов ситуация более ничем не осложняется. Представление в «New York Times» японской версии событий (причем в заметной диспропорции – по сравнению с «китайской версией») – одна из важнейших особенностей информационного обеспечения «китайского кризиса» в США. Как отмечал еще в 1939 г. доктор Гарри МакНейл в популярной брошюре «Правда о коммунизме в Китае»: эффективность японской пропаганды в США в начале 1930 г. была очень существенной⁵.

Однако из Харбина сообщают о бомбардировках японской артиллерией китайских позиций. Хондзе неохотно объяснил, что применение полевых пушек и осколочных и шрапнельных снарядов против китайцев не является чем-то серьезным⁶.

Хикоити Мотояма считает, что разногласия с Китаем решатся, если Китай будет уважать права иностранцев, о которых говорится в договорах, будет защищать их права, перестанет нарушать обещания и отказываться от выполнения обязательств перед Японией, если Китай будет честным, перестанет ущемлять японцев в их гражданских правах.

Хикоити отмечает, что китайские политики тормозят развитие своей ложью и принятием законов, «противостоящих справедливости». Япония недовольна тем, что Китай проводит недобросовестную конкуренцию и проводит антияпонскую пропаганду в школах. Дипломаты из Японии также недовольны тем, что над ними насмеются.

Общие тезисы Хикоити часто совпадают со статьями японских политиков, которые издавались в США перед самым началом кризиса. Так, на страницах авторитетного журнала «Pacific Affairs» анализировалась статья Е. Мацуока «Экономическое взаимодействие Японии и Китая в Маньчжурии». И сама статья японского чиновника, и рецензия на нее сходятся в основных моментах: японские политические амбиции и необходимость расширения экономической базы империи после кризиса 1929 года подталкивают к более активным действиям в Маньчжурии, главным образом в сфере железных дорог и финансов. Кроме того, в «Pacific Affairs» подчеркивалось, что японское влияние на «правительство Маньчжурии» более сильное, чем китайское влияние⁷.

«В момент захвата японцами Мукдена в Женеве заседал Совет Лиги Наций, в котором были представители Японии и Китая. Китай сразу же обратился к Лиге Наций на основании статьи 11-й ее Устава. Совет Лиги Наций постановил, что японские войска должны быть уведены из Маньчжурии не позже 16 ноября. На этот жест Лиги Наций Япония не обратила никакого внимания»⁸.

В продолжение Вашингтонского договора девяти держав многие страны устраивали антисоветские торговые санкции, чтобы навредить экономике социалистического государства, единственного не затронутого кризисом, которое оказывало экономическую и военную поддержку Китаю в противостоянии Японии.

После неудачных блокад западных держав с целью снизить советскую устойчивость к мировому кризису 1927-1931 года были заключены пакты с Германией, Тур-

цией, Литвой и Францией, которые содержали в себе обязательства о ненападении, соглашения не участвовать во враждебных блоках, обязательства об экономическом ненападении, о неучастии в экономическом и финансовом бойкоте и т.п.⁹

Середина ноября 1931 г. характеризуется в информационной политике «New York Times» значительным усилением внимания к японским оценкам перспектив конфликта: статья «Железная дорога жизненно необходима Японии» раскрывает нам сообщения от Графа Утиды, главы Южно-Маньчжурской железной дороги, о том, что, согласно Японо-Китайскому договору о строительстве вспомогательных веток Южно-Маньчжурской железной дороги, единственные возможные линии оговорены договором, а Китай строил новые ветки параллельно тем, что были согласованы с Японией, которая с этим была не согласна.¹⁰ Именно это отражает одну из важнейших характеристик американских представлений о причинах начала конфликта. В прессе и аналитических журналах США 1930-1931 гг. очень активно освещался процесс складывания японо-китайских противоречий из-за небольшой, но чрезвычайно влиятельной железнодорожной сети Маньчжурии¹¹.

Подобные сообщения в прессе США в ноябре 1931 г. приходились уже на подготовленную в информационном плане базу: о железнодорожных спорах как одной из причин конфликта Китая и СССР газеты США очень активно писали в 1929 г. Как возможная причина нового конфликта (японо-китайского) железные дороги указывались в журналах и газетах США в 1930-1931 гг. Все это косвенно подтверждало один из главных тезисов в оценке американскими журналистами «китайского кризиса 1931 г.» – о виновности Китая в конфликте.

Однако нью-йоркская газета стремилась в ноябре 1931 г. дать читателям информацию не только о японской версии – корреспонденты из Маньчжурии отмечали настоящую информационную борьбу за

общественное мнение США (а также – Лиги Наций) между Китаем и Японией: «На данный момент существует два совершенно разных вида новостей, которые относятся к Маньчжурскому кризису: первый принадлежит японским чиновникам из Мукдена, второй – из Харбина, указывая на территории, расположенные севернее от зоны влияния Японии и находящиеся под влиянием китайцев. Обе стороны хотят произвести определенное впечатление на Женеву и снискать сочувствие в мнениях иностранцев, делая резко различающиеся заявления»¹².

В данной статье кроме того отмечено, что и японские, и китайские цензоры с большим трудом доставляют новости в иностранные новостные службы. Японский военный деятель, генерал Императорской армии Японии, командующий Квантунской армией в начале 1930-х годов Сигэру Хондзе и его пресс-секретарь при описании происходящих событий упомянули лишь «незначительные китайские налеты», «применение осколочных и шрапнельных снарядов» в отношении к китайским силам не является чем-то серьезным, и данную операцию нельзя рассматривать как сражение¹³.

В связи с цензурой, введенной в 1931 году, разоряются местные газеты, книжные магазины. В период оккупации литературный процесс на территории северо-восточного Китая можно разделить на два вида: первый передавал литературу, ориентированную на официальные установки оккупационных властей, а второй выражал идеологию патриотического антияпонского движения. В сосуществовании этих потоков рождались культурно – исторические особенности регионов. «Остались только газеты «Тайдун жибао» в Даляне, «Шэнцзин шибао» в Мукдене, «Дабэй синьбао» в Харбине и «Датунбао» в Чанчуне. Все они оказались под японским политическим влиянием. Вскоре «Тайдун жибао» из-за низкого профессионального уровня персонала была закрыта». Три других издания публиковали и пропагандировали литературу, воспевав-

шую новые японские порядки, сильно приукрашивая действительность¹⁴.

Поднимаемые в прессе США вопросы о цензуре, о методах ведения войны, о жестокости противников служили в одинаковой мере средством демонизации как Японии, так и Китая, что можно рассматривать в качестве особого способа воздействия на американское общественное мнение. Ситуация, которая определялась не только доминированием в обществе изоляционистских взглядов и тяжелыми последствиями мирового экономического кризиса, но и принципиальным нежеланием американского общества быть втянутыми в новую масштабную войну из-за далекой и чужой Маньчжурии. Страх перед жертвами, новыми угрозами и конфликтами оставался значимым фактором развития информационной ситуации вокруг «Маньчжурского инцидента». Следовательно, можно предположить, что осенью 1931 года в периодической печати США еще не сложилась идея «спасения Китая», которая будет популярна в ходе второй японо-китайской войны. А единственной значимой моделью решения «китайской проблемы» журналистам и редакторам виделась негласная и косвенная поддержка японских претензий. Поэтому война 1931 года сразу обозначалась прессой США как «конфликт», «столкновение», «события»; потери сторон преуменьшались; Маньчжурия обозначалась как независимая от Японии и Китая территория. Все это придавало начавшейся японо-китайской войне образ не предвестника новой мировой войны, а странного конфликта из-за амбиций и упрямства «дальневосточных диктаторов». Статьи «New York Times» ноября 1931 г. отчетливо демонстрируют общие моменты в изображении Японии и Китая, где обе страны выступают как виновники конфликта, оба противника отличаются «варварскими» (как их характеризует пресса США) методами ведения войны, и единственной жертвой этого противостояния могут стать Соединенные Штаты, если не смогут «остаться в стороне».

Поэтому в осенних материалах «New York Times» наблюдается чередование обвинений как японской, так и китайской стороны в инициации конфликта. Например, статья от 18 ноября полностью посвящена обвинениям в сторону китайского правительства в нарушении соглашений. Военный министр Японии Дзиро Минами утверждает, что Токио вынужден «останавливать бесчинства Китая» только с помощью оружия. Китай, в свою очередь, аналогично высказался о данной ситуации в Маньчжурии. Один из ведущих деятелей гоминьдановского Китая 1930-х годов, маршал Чжан Сюэлян изложил в статье свое мнение по данному вопросу¹⁵.

Дзиро Минами называет Китай лицемерным и вызывающим, отказывающимся выполнять обязательства, и из-за такого поведения Япония не хочет развивать торговые отношения и вынуждена прибегнуть к военным действиям для защиты своих интересов в Маньчжурии. Также Минами недоволен тем, что прочие державы вовлекают свои войска на территорию Китая. Следует отметить, что эмоциональная оценка пребывания иностранных войск вследствие японо-китайских столкновений в Тайсине резко негативная¹⁶.

Вице-адмирал РСФСР, заслуженный деятель науки, современник «китайского кризиса» Александр Викторович Шталь привел аргумент японской агрессии, что на начало оккупации японцами Маньчжурии торговля в Китае занимала первое место, а в октябре сместилась на пятое место. Неудивительно, что, понеся колоссальные потери, Япония требует исполнения договоров и прекращения бойкотов, угрожая оружием¹⁷.

Японские подданные, проживающие в Маньчжурии, подвергаются набегам со стороны правительства и со стороны бандитов. Такое катастрофическое положение в Маньчжурии вызывает сожаление как у Китая, так и у Японии, так как из-за бесконечных столкновений страдают обе стороны. Обе страны надеются, что подобные ситуации прекратятся в скором времени.

«...в Маньчжурии нередко имели место случаи, когда японские купцы и их приказчики насильно провозили свои товары через китайскую таможенную и пункты по взиманию каких-либо внутренних сборов, составляя таможенные власти силой оружия отказаться от взимания сборов». Но об этом не пишут японские публицисты в своих обращениях. К сожалению, подобная практика на тот момент считалась нормой, а не чем-то жестоким и выходящим за рамки¹⁸.

Минами пишет, что он бы привел в пример статистику «бесчинств» Китая, но, к сожалению, именно в момент написания письма в «Ассошиэйтед Пресс» у него под рукой не оказалось данных. Далее он приводит данные с 18 сентября по 26 октября: 550 убитых китайцами японцев, 150 женщин, подвергшихся физическому насилию, 800 сожженных домов, 2000 ограбленных домов.

С одной стороны, анализируя слова Дзиро Минами, можно увидеть ложные сведения, ведь в одном абзаце он пишет об отсутствии каких-либо точных данных «под рукой», с другой стороны, Китай определенно бесчинствовал. Интересным можно отметить тот факт, что Минами не привел в пример бесчинства Японии.

Китай, угнетенный японскими агрессорами, будет вести бойкот до того момента, пока Япония не изменит свои требования. На момент 22 ноября 1931 года в Маньчжурии было размещено такое китайское правительство, которое целиком и полностью удовлетворяло интересы Японии и требуемых ею договоров. Также среди высокопоставленных лиц в Маньчжурии не было людей, которые негативно относились к японской политике. Япония добилась своих интересов на железных дорогах, защищая свои капиталовложения¹⁹.

Спустя неделю, 29 ноября, Япония вновь предъявляет обвинения Китаю в искажении их целей, обязательств, требований исполнения договоров и «подогревании ненависти по отношению к подданным Японской империи несмотря на то, что по-

следний проявляет «глубокую симпатию» к китайскому народу». Документ представлен длинной резолюцией, отправлен американскому теоретику и практику педагогики, политику, публицисту и профессору Николосу Мюррэй Батлеру, который является главой Фонда Карнеги за международный мир. В резолюции также представлено недовольство Японии некомпетентностью в изучении их с Китаем отношений.

Токийская группа пишет, что любые вмешательства со стороны иностранных государств приведут не к урегулированию и решению проблемы, а к серьезным осложнениям, дополняя свою речь требованием «заставить» китайский народ уважать Японию и ее подданных, а правительственную власть – подчиняться «справедливо установленным правам и интересам японского народа» на территории Китая, Маньчжурии и Монголии.

Джордж Э. Сокольский пишет, анализируя ситуацию в целом, что на данный момент у Китая нет армии, так как единственные силы, направленные на оказание сопротивления Японии, были уничтожены, а Ма Чежеэньшань, главнокомандующий, скрывается в Харбине. Данная ситуация показывает создание нового status quo в Маньчжурии. Скорее всего, полагает Джордж Э. Сокольский, Китаю придется задуматься о переговорах с Японией, так как он в любом случае не может оказать военного сопротивления.

Следует отметить, что 3 миллиона бойцов возглавлены командирами, целью которых является желание разбогатеть, а не умело руководить армией. При этом солдаты остаются без какого-либо обмундирования, без оружия, без боевой техники, к тому же китайская армия не едина. Также ни национальная промышленность, ни генеральный штаб не служат опорой китайской армии.

Рассматривая вопрос китайской армии, следует учесть, что сам Чан Кайши, верховный главнокомандующий национальной армии, не руководил армией свыше 700 тыс. солдат. Командующий армиями отдельных воинских формирований вступает в бой ис-

ходя из своих предпочтений. Естественно, данная армия не может служить опорой большому государству и, к сожалению, лишь подводит свое правительство, которое нуждается в сильной и несокрушимой армии. Подобная децентрализация служит препятствием к установлению стабильности и представляется подспорьем для Японии, которая уже захватила почти 250 тыс. квадратных миль маньчжурской территории.

Джоржд. Э. Сокольский отслеживает местонахождение китайских генералов и критикует их за то, что они не оказали никакого сопротивления и не проявили инициативу для защиты собственного народа ни вместе, ни по отдельности. Также упоминается, что многие китайские генералы перешли на сторону Японии.

Чан Кайши собирает армию для защиты границ и для того, чтобы в принципе задействовать ее в борьбе, но для этого ему нужно привлечь на свою сторону Чжана Сюэяна, Фэна Юйсяна или Яня Сишаня. Но даже если ему это удастся, то при выводе войска за Великую Китайскую стену в Цзиньчжоу Япония по праву будет вести свои отряды к Маньчжурии.

Исходя из всего вышесказанного мы понимаем, что Китай имеет крайне слабое управление, полностью контролируемое действиями японского правительства. Этой великой ныне стране довольно сложно противостоять сильному государству, трудно гарантировать даже собственную безопасность.

Китай и Япония должны сами договориться о сотрудничестве без огня и жертв, о выгоде для двух сторон, а пока с одной стороны оказывается сильнейшее давление и агрессия, а с другой стороны – жесткое бойкотирование, добиться мирных и выгодных результатов будет крайне сложно²⁰.

В статье от 28 ноября 1931 г. содержится информация о пограничном городе Цзиньчжоу на юго-западе Маньчжурии, и на тот момент город являлся местом сосредоточения китайских войск и торговли. Безопасность города контролировал маршал Чжан Сюэян и, следует отметить, что город яв-

ляется стратегически важным объектом, за стеной которого располагаются Чжилийский и Ляодунский заливы, с севера и запада – горы и плоскогорья Монголии.

Таким образом, Китай выбрал себе максимально удобное расположение для наблюдения, разведки и ведения дальнейших действий. Японская угроза в данной местности имеет место быть только на железнодорожной линии между Китаем и Маньчжурией²¹.

Китайский вопрос 1931 г. затрагивал не только серьезные аспекты американской журналистики, такие как международные отношения, проблемы внешней безопасности, войны и мира, но и темы, более подходящие для «желтой прессы». Так, в одной из последних ноябрьских статей приведены данные о «мирных переговорах» в «Чайна-Тауне», причем нет информации о рассматриваемых вопросах, которые были так актуальны на тот момент, но есть сведения из полиции об одном раненом и четверых задержанных.

Во время собрания началась потасовка из-за того, что один из спикеров, представленный Рабочей лигой бывших военнослужащих, Сэмюелом Стайнбергом, по просьбе как раз Китайского общества за мир в Маньчжурии, пустил в ход холодное оружие, будучи несогласным с мнением других людей. Сорокасемилетнего Макса Лаубера назначили таким спикером для выступления на небольшой платформе с американским флагом. Макс Лаубер сочувственно отзывался о низших слоях, подчеркивая превосходство Японии над Китаем в вопросе поддержки рабочих, в то время как развивающийся капитализм в Китае насильно подчинил себе рабочий класс. Зрители были недовольны данным выступлением, а соратники Лаубера начали потасовку прямо возле трибуны.

Один из слушателей, не желающий участвовать в драке, решил бежать от начавшейся потасовки, но был пойман и повален на пол Максом Лаубером, после чего спикер воткнул нож в спину слушателя. Прямо на месте происшествия полиция произвела за-

держания. Раненый Тим Хуэнь был госпитализирован²².

С одной стороны, мы видим жестокость и нежелание принятия противной точки зрения, применение оружия, нападение, «дебош». С другой стороны, мы видим, что актуальные вопросы и проблемы не решаются и не будут восприняты спокойно, если речь идет о превосходстве Японии, неважно, в каком именно контексте. Сама статья может восприниматься как метафора на тему возможного вмешательства США в азиатский кризис. Похожие тенденции избрания противостояния Японии и Китая наблюдались в этот период и в американских карикатурах.

Анализируя эту информацию, мы видим, что в публикациях «New York Times» присутствует множество мнений и лишь небольшое количество фактов, которые не передают всю картину целиком: военные конфликты, агрессия Японии против Китая не оцениваются американскими журналистами в 1931 г. как опасное событие для безопасности в Азии. Одновременно в американских статьях есть недовольство по поводу невыполнения Китаем соглашений по торговым договорам с Японией, что используется прессой как одно из оправданий действий Японии. Китайское бойкотирование японских товаров вызвало в прессе США больший интерес, чем, например, сведения о потерях и жертвах Китая в результате захвата Маньчжурских территорий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ New York Times. 1931. November 4. P. 1.

² New York Times. 1931. November 8. P. 1.

³ New York Times. 1931. November 14. P. 1.

⁴ New York Times. 1931. November 15. P. 1.

⁵ McNeill H. The truth about communism in China. New York, 1939. P. 9.

⁶ New York Times. 1931. November 19. P. 3.

⁷ Hsu S. Japan and Manchuria // Pacific Affairs. 1930. № 9. P. 855.

⁸ Шталь А.В. Малые войны 1920-1930-х годов. М.: АСТ, 2003. С. 102.

⁹ Потемкин В.П. Дипломатия в новейшее время. Т. III. М.: ОГИЗ, 1945. С. 419.

- ¹⁰ New York Times. 1931. November 16. P. 2.
- ¹¹ *Royama M.* The South Manchuria Railway Zone: And the Nature of Its Administration // Pacific Affairs. 1930. № 11. P. 1018-1034; *Young W.* Economic Factors in Manchurian Diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1930. № 152. P. 293-307; *Norton H.K.* International Aspects of the Chinese Eastern Railway // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1930. № 152. P. 308-317; *Orchard J.E.* Japanese Expansion in China // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1930. Vol. 152. P. 328-337.
- ¹² New York Times. 1931. November 19. P. 1.
- ¹³ New York Times. 1931. November 19. P. 1.
- ¹⁴ *Лебедева Н.А.* Особенности литературного процесса в оккупированных районах северо-восточного Китая в период Японской агрессии (1931-1945 годы) // Вестник НГУ. Т. 11. Вып. 4. Владивосток, 2012. С. 141.
- ¹⁵ New York Times. 1931. November 18. P. 1.
- ¹⁶ New York Times. 1931. November 19. P. 1.
- ¹⁷ *Шталь А. В.* Малые войны 1920-1930-х годов. М.: АСТ, 2003, 120 с.
- ¹⁸ *Терентьев Н.* Очаг войны на Дальнем Востоке. М.: Партийное издательство, 1934. С. 37.
- ¹⁹ New York Times. 1931. November 22. P. 2.
- ²⁰ New York Times. 1931. November 18. P. 1.
- ²¹ New York Times. 1931. November 28. P. 5.
- ²² New York Times. 1931. November 30. P. 1.

SINO-JAPANESE WAR AND «NEW YORK TIMES»

© 2021 D.Yu. Selifontova, S.O. Buranok

Samara State University of Social Sciences and Education

The authors examine the materials of the American press of 1931 devoted to finding answers to the question of the fault of Japan or China in the conflict. Analysis of the US press reveals a complex and controversial information situation. 1941 was a period of gradual revival of the interest of journalists, editors and politicians in the problem of Sino-Japanese war. US journalists had come to understanding the new outlines of the geopolitical picture of the world; they had realized that there are at least two global approaches to the issue of the culprits of the conflict (Chinese and Japanese) and that these approaches directly affect the understanding of the new role of the United States in the world.

Keywords: Sino-Japanese war, US press, international relations, Manchuria, public opinion.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-1-57-64

Daria Selifontova, Bachelor, Department of History.

E-mail: dashunaj9@mail.ru

Sergei Buranok, Doctor of History, Professor, Department of World History, Law and Methods of Teaching. E-mail: witch-king-1@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8307-9428>